

Жуковского на предмет наличия в ней трудов немецких пиетистов, имя *Иоганна Генриха Курца* (1809–1890). Будущий богослов не сразу избрал путь веры, известно, что в юные годы ему была близка филология, юриспруденция и медицина, но в 1830 г. произошел окончательный поворот от рационализма к религии. С 1835 г. Курц преподавал основы религии в гимназии города Митау, а в 1849 г. был удостоен звания почетного доктора теологии в Росток. Большую часть своей жизни Курц посвятил писательской деятельности. Вышедшее в 1843 г. в Кёнигсберге издание «Учебник по священной истории» стало своего рода подготовительным этапом для более поздней книги «Библейские истории из Священного Писания» (1847), которая принесла автору мировую известность. В личном книжном собрании В. А. Жуковского сохранился «Учебник по священной истории» [8, с. 206] с многочисленными пометами и записями поэта.

Итак, введение в научный оборот плана-автографа, раскрывающего масштабный замысел В. А. Жуковского по подготовке педагогического издания, дополняет источниковедческую базу современного жукововедения и дает более полное представление о новых оттенках позднего жизнотворчества русского классика и эволюции особого рода германофильства Жуковского.

Список использованных источников

1. Письмо к П. А. Вяземскому (от 19 февраля (3 марта) 1849 г.). РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Л. 27–33.
2. Письмо к П. А. Плетневу (от 22 февраля (6 марта) 1850 г.). ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 244. Л. 49–54 об.
3. Айзикова И. А. Евангельские идеи, мотивы, образы в «святой прозе» В. А. Жуковского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Петрозаводск, 2008. – С. 168–197.
4. Долгушин Д. В. «Весь этот том будет проза...» (к истории неосуществленного замысла сборника религиозно-философской прозы В. А. Жуковского) // Вестник НГУ. – 2011. – Т. 10. – Вып. 8. – С. 139–148.
5. Никонова Н. Е. В. А. Жуковский – современник педагогического века Германии: немецкая литература о воспитании и творческие искания поэта 1840–1850-х гг. // Имагология и компаративистика. – 2014. – № 1. – С. 87–124.
6. Жуковский В. А. Записки. Отдел рукописей. ИРЛИ РАН. Фонд № 27.844.
7. Дубовенко К. И. Педагогические труды немецких пиетистов в личной библиотеке В. А. Жуковского // Мат-лы I (XV) Междунар. конф. молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения». – Томск, 2014. – Вып. 15. – Ч. 2. – С. 229–231.
8. Библиотека В. А. Жуковского: (описание). Томск: Изд-во ТГУ, 1981. – 416 с.
9. Дубовенко К. И. Труды И. Арндта в восприятии В. А. Жуковского: пометы в немецких изданиях 1840-х гг. // Мат-лы VIII Междунар. студенческой науч.-практ. конф. «Иностранный язык и межкультурная коммуникация». – Томск, 2014. – С. 51–57.

Дубовенко К. И., аспирант

Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: ksutka1@mail.ru

Dubovenko K. I.

GERMAN AUTHORS IN UNPUBLISHED PLANS OF LATE ZHUKOVSKY

In the article V. A. Zhukovsky's mostly unpublished and uninvestigated plans of 1840-1850-ies are considered. This article's relevance is defined by fact that late Zhukovsky's documents haven't been reflected in the authentic German environment and the context of German literature yet. The material based on notes and plans is analyzed in comparison to Zhukovski's pedagogical intention: the pedagogical plan is presented, the place of German authors in this plan is defined, and the motives of Zhukovski's late prose are discovered. Uninvestigated pedagogical plan supplements sources studies of Russian literature and discovers new aspects of the last decade of Zhukovski's creative life.

Keywords: *unpublished pedagogical plans, German literature about upbringing, late prose of Zhukovsky.*

Dubovenko K. I., graduate student

National Research Tomsk State University

E-mail: ksutka1@mail.ru

Фрик Т. Б.

МОТИВ РОДНОГО КРАЯ В ПИСЬМАХ Н. М. КАРАМЗИНА*

Статья посвящена рассмотрению мотива родного края в частных письмах Н. М. Карамзина к родным и друзьям. Актуальность предпринятого исследования определяется подходом к бытовому эпистолярному как к литературному тексту. В работе представлена динамика рассматриваемого мотива, нашедшая отражение в письмах Н. М. Карамзина разных лет, во взаимосвязи с творческими и идеологическими установками писателя.

Ключевые слова: *эпистолярный, Н. М. Карамзин, мотив родного края.*

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-04-00179.

В работах последних лет, посвященных осмыслению писательского эпистолярия, актуализируется подход к изучению писем русских писателей, заявленный еще в работе Ю. Н. Тынянова [1]. Данный подход базируется на представлении о бытовом письме не только как о информативном тексте, но и как о специфической форме словесного творчества. Восприятие дружеского литературного письма как текста, с одной стороны, несущего фактическую информацию, а с другой стороны, подвергающегося определенной степени фикционализации, определяет принципы осмысления частного эпистолярия писателей в настоящее время.

Обращение к письмам Н. М. Карамзина в заявленном аспекте представляется вполне оправданным. В настоящее время на острие исследовательского интереса находится изучение карамзинского эпистолярия как историко-литературного источника, в то время как вопрос рассмотрения данных писем как части художественного творчества писателя, воплощения его авторской философии нельзя считать исчерпанным. Особого внимания по-прежнему требует рассмотрение литературной природы карамзинских писем, осмысление своеобразия эпистолярного феномена писателя в рамках его творческого метода.

Исследователи жизни и творчества Н. М. Карамзина отмечают тот факт, что почти все произведения писателя воспринимались читателями как автобиографические [2]. Несомненно, немалую роль в этом сыграло использование автором различных форм повествования от первого лица, среди которых письмо как текст, как особая жанровая, нарративная структура занимает особое место. Использование письма как формы литературной во многом, конечно, обусловлено культурным и литературным контекстом эпохи, однако важнее другое: эпистолярная форма позволяет писателю выстроить индивидуальный образ действительности, воплощает в себе ее личностное восприятие, которое становится центральной категорией текста, определяет его сюжетную и композиционную структуру.

Тем интереснее факт фикционализации действительности в частных письмах Карамзина, что, учитывая знание о закрытости внутренней жизни писателя, его отношении к своей биографии как к произведению искусства, позволяет рассматривать эпистолярные тексты как факт литературы, как органичную часть его творческого наследия. В частной переписке Н. М. Карамзина происходит расширение границ документальности за счет использования принципов, приемов художественного осмысления действительности: включения в эпистолярный текст поэтических отрывков, эвфемистичности, достигаемой при помощи различных средств выразительности. Кроме того, маркерами поэтики карамзинского эпистолярия является характерный для него мотивный комплекс, а также особая система образов.

Данная работа посвящена рассмотрению локального, но от этого не менее репрезентативного мотива «родного края» в частной переписке Н. М. Карамзина, который стал для него мотивом длинной в жизнь. Родной для писателя край – это, конечно, места, где он родился и провел свою юность: Знаменское, Симбирск, Волга, Свяяга, заволжские деревни; образы этих мест возникают прежде всего в письмах к старшему брату и опекуну В. М. Карамзину, а также к землякам И. И. Дмитриеву, А. И. Тургеневу.

В своей статье к изданию писем Н. М. Карамзина к братьям В. А. Сукайло очень точно указал на совершенно сознательное стремление писателя в его письмах к старшему брату предложить своему адресату язык чувств, систему категорий «чувствительной литературы». Это способствовало превращению письма в литературный текст с той же системой идей и образов, что и в его прозаических и поэтических произведениях [3, с. 211]. Нужно сказать, что это характерная особенность писем Карамзина к большинству его адресатов.

Любовь к родному краю нашла отражение как в поэтическом, так и в прозаическом творчестве Карамзина, в этой связи можно упомянуть, например, стихотворение «Волга» и роман «Рыцарь нашего времени». В частной эпистолярной практике писателя мотив родного края воплощается посредством приемов сентименталистской эстетики и поэтики. При этом раскрытие данного мотива актуализирует движение эпистолярного нарратива от быта к нравственной и философской символике. Мотив родного края становится квинтэссенцией ценностных ориентаций, воплощает экзистенциальный смысл, является отражением духовной связи автора и его адресата-земляка, родственника, символом их единства и непрекращающегося общения.

Так, в контексте писем Н. М. Карамзина к брату формируется особая эстетика бытовых забот, помещицкой жизни. Письма наполнены переживаниями о родственниках, расспросами о качестве урожая и нежными чувствами к брату. Все эти бытовые подробности способствуют созданию образа милого сердцу родного края: «Воображаю живо моего любезнейшего брата, сидящего под окном прекрасного домика и смотрящего на величественную Волгу, столь знакомую мне из детства! Симбирские виды уступают в красоте немногим в Европе» [4, с. 177].

Родной край в переписке с братом – это пленительное воспоминание, символ неразрывной связи с домом и семьей, малой родиной, способ единения с родными, не случайно принадлежность к семье, родным местам постоянно подчеркивается автором писем: «Вида Анну Сергеевну, я расспрашивал ее о подробностях вашей жизни и вспоминал то время, как жила с вами» [4, с. 163]; «Напомните обо мне всем вашим родным» [Там же, с. 169]; «Мне завидно, любезнейший братец, что вы часто бываете окружены нашими родными, а я лишен этого великого удовольствия» [Там же, с. 186]. Практически каждое письмо содержит сожаление о невозможности совместного житья, выражение надежды на встречу, при этом фрагменты писем часто окрашены в сентиментально-идиллические тона: «Желал бы я, любезнейший брат, чтобы вы на

Монгольфьеровом шаре слетали ко мне в гости на чашечку кофе и погуляли со мною в здешних липовых рощах. Мы поговорили бы о всякой всячине и всего более о том, сколько я люблю вас» [Там же, с. 156].

По-особому мотив родного края воплощается в письмах Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, в них родной край – это идеальный топос дружбы земляков, поэтов, сочувственников. В мотиве родного края в письмах к И. И. Дмитриеву находят отражение мечты Карамзина – автора писем об идиллическом будущем и воспоминания об идеальном прошедшем, общие для обоих друзей. Картины родных мест в данных письмах неизменно отличаются особой поэтичностью воплощения (не случайно автор так легко переходит к поэзии), лейтмотивной для них является мечта об идиллии совместного житья с любезным другом в родных для обоих местах: «Для свидания со мною приедешь в Симбирск. Мне очень, очень хочется видеть тебя, старого моего друга и сотрудника. Поживем вместе хотя несколько дней, там, / Где в первый раз открыл я взор <...> / И рос в веселии невинном, / Как юный мирт в лесу пустынном» [5, с. 77].

Поэтизация родных мест, воспоминания о великолепной Волге, идея вдохновляющего начала, заключенного в родных местах, – всё это стимулирует процесс взаимодействия эпистолярной прозы и лирики. Письма становятся творческой лабораторией, в которой идет поиск идеального способа воплощения образов родных мест.

Мотив родного края является скрепой взаимоотношений двух друзей, которые в реальности уже не были такими близкими и теплыми. В поздних карамзинских письмах дружеская связь с адресатом актуализируется именно посредством образов родных мест. Воспоминания о них эксплицируют изменения в мировосприятии постаревшего автора писем, становятся выражением его эмоционального состояния. В лаконичные, чаще информативные письма последних лет фрагменты, посвященные воспоминаниям о родных местах, вносят поэтичную, меланхолическую ноту, оживляя образы прошедшего: «Последнее твое дружеское письмо, приятно меланхолическое, заставило меня слетать воображением на берег Волги, Симбирский Венец, где мы с тобою, геройски отражая сон, ночью читали Юнга в ожидании солнца. Да, мы были тогда молоды, а теперь стары; но беды нет: всё хорошо в свое время. И мы старики имеем свое будущее, настоящее и прошедшее: тем лучше, что молодые люди нам не завидуют» [5, с. 570]. Не случайно большой интерес Н. М. Карамзина вызывают записки-воспоминания И. И. Дмитриева, которые символизируют связь двух друзей с родными для обоих местами и людьми.

Мотив родного края находит отголосок также в образах автора и адресатов, указание на происхождение из одних и тех же мест становится подтверждением их духовной близости: «милой земляк» – излюбленное обращение к Дмитриеву; «Мы, два симбиряка, платим и даем взаймы друг другу» [4, с. 427] – фраза из письма к А. И. Тургеневу, и речь здесь идет не о финансовых делах, а о дружеской поддержке и внимании.

При всем том, что Симбирск, заволжские деревни – это те пространства, которые питают и наполняют особым содержанием мотив родного края, нужно отметить, что более ярко, глубоко по этико-философскому содержанию данный мотив проявляется в московском тексте (в лотмановском понимании этого термина) эпистолярная Н. М. Карамзина.

Известно, что с Москвой жизнь Карамзина была связана с 1778 г. (год поступления его в пансион) по, учитывая различные обстоятельства отъездов и приездов, 1816 г., когда он переезжает в Петербург, Царское село и занимается публикацией «Истории государства Российского». Образ родной Москвы, сюжет возвращения в Москву, противопоставление Москвы и Петербурга как своего и чужого пространства – это те доминанты, которые лежат в основе символики дружбы, дома, которые позволяют выразить философские основы самостояния Н. М. Карамзина, воплотить его поведенческую концепцию, мировоззренческие константы, а также демонстрируют включенность карамзинского эпистолярного текста в культурную и историческую парадигму эпохи.

В письме от 20 сентября 1824 г. к А. И. Тургеневу практически в конце жизни Карамзин напишет: «Понимаю ваше удовольствие быть в моей старой, доброй Москве. Люблю ее как душу...» [4, с. 432]. Такое трепетное отношение к городу писатель демонстрировал на протяжении всей своей жизни.

В письмах Карамзина раннемосковского периода жизни Москва так же, как и Симбирск, – это идиллическое пространство дружбы, место, в котором автор писем чувствует себя гармонично, пространство интимное, пасторальное, в нем он мечтает жить и творить совместно с милым другом: «Мне весело и воображать это <...> Летом жили бы мы в маленьком, чистеньком домике на высоком берегу Москвы-реки, в семи верстах от города, где я третьего году писал Дарования и стихи к верной, давно неверной. Место самое романтическое! Там бы два друга, довольно опытные, довольно спокойные, но не совсем холодные, вспомнив иное, засмеялись – вспомнив другое, вздохнули – и эхо рощи засмеялось бы с ними, эхо рощи вздохнуло бы с ними <...> Гораций прославил Тиволи, а мы Самарову гору превратили бы в Руской Геликон» [5, с. 142].

Эстетика этого фрагмента бытового письма к И. И. Дмитриеву 1799 г. очевидно близка эстетике описания московского пространства, например, в «Бедной Лизе». Вообще, образ Москвы любезной, Подмосковья как родного края, где, по словам автора писем, «книга, чай и трубка будут <...> гораздо приятнее», включен в литературный контекст, в том числе и в контекст творчества самого Карамзина. Письма очевидным образом переключаются с рядом «московских» публикаций писателя: «Записка о Московских достопамятностях», «Записки старого московского жителя», «Путешествие вокруг Москвы. Письмо первое из Коломны от 14 сентября» (здесь же чрезвычайно интересен и сам факт игры с

эпистолярной формой, как формой литературной). Москва – это историческое, духовное, философическое пространство, в пределы которого включены и идеи Руссо, и меланхолические мысли о смерти и смысле жизни. Связь с этим городом не должна быть потеряна, отсюда, как заклинание, из письма в письмо звучат слова, обращенные к Дмитриеву, уехавшему в Петербург: «приезжай в Москву», «не забывай Москвы». В письмах к этому же адресату Москва – это магнит, который не перестает притягивать живших в ней: «Москва не перестает действовать на тебя, как магнит на железо» [5, с. 252].

Развитие мотива родного края, в центре которого образ Москвы, его углубление, даже, можно сказать, некоторое содержательное обострение связано с началом работы Н. М. Карамзина над «Историей государства Российского», получением им звания придворного историографа, общением с царской семьей. В письмах этого периода мотив реализуется через рефрен о необходимости возвращения в родную Москву, а также последовательное противопоставление Москвы и Петербурга.

В письмах Карамзина нашли отражение обе схемы противопоставления Москвы и Петербурга, выделенные В. Н. Топоровым: официальный Петербург противопоставляется писателем душевной, семейной Москве, Петербург цивилизованный – Москве азиатской [6]. Интересно, насколько образы Москвы и Петербурга, создаваемые, транслируемые Карамзиным на страницах его частных писем, вписываются в поэтику и эстетику петербургского и московского текста русской литературы. Кажется безусловным, что они не только включены в эти тексты, но и участвуют в их генерации.

Философия городского пространства, имеющая глубокую культурную обусловленность, стала инструментом конструирования поведенческого текста автора писем, воплощением его личностной системы ценностей. Указание на это находим уже в ранних письмах к И. И. Дмитриеву, в 1802 г. Н. М. Карамзин напишет: «Мне грустно, что я должен писать в Петербург, и некоторым образом кланяться; это не ободряет талант» [5, с. 158]. В письмах же около и собственно петербургского периода именно Москва станет символом независимости, спокойствия, дружественной атмосферы и бескорыстия, воплощением философии приоритета дома и семьи. Москва – это своя нора, последнее пристанище: «Мы в Петербурге как на станции; не имеем дружеского приюта» [5, с. 380]; «Пока ты остаешься в Москве, то мысли мои стремятся под сень Кремля: там и дружба и покой и независимость. Как ни милостив ко мне добрый государь, но я уже стареюсь и смотрю не на гору, а в нору» [Там же, с. 389]; «Москву воображаю для себя уединением, оживляемым иногда беседою малочисленных друзей, старых, снисходительных, бескорыстных <...> Знаешь ли, чтобы могло привязать меня к Петербургу <...> Случай делать иногда добро людям; но это очень неверно, и колет иным глаза; я же <...> не хвастун, и в самом добре не люблю кривой дороги» [Там же, с. 419].

Присвоение петербургского пространства происходит в самом конце жизни Н. М. Карамзина, когда редко, но появляется выражение «у нас» именно по отношению к северной столице. Верность идее возвращения в Москву в переписке с Дмитриевым остается символом неразрывного дружбы, верности себе: «Скорее увидеться в Москве, которой всё еще не изменяю в мыслях» [5, с. 494]; «Не упрекай меня обманом, я не перестал думать о Москве» [Там же, с. 508].

Символично, что одновременно в переписке последних лет происходит возвращение к симбирским мотивам, которые так же, как и московские, окрашены в меланхолические тона. В поздних письмах происходит усиление трагических нот, мотив родного края демонстрирует мировоззренческий слом Карамзина-автора писем: «Перемены в душе еще чувствительнее для меня, нежели перемены в теле: я уже не тот, которой переехал из Москвы в Петербург; иначе вижу и чувствую: смотрю на всё, как на бегущую тень» [5, с. 536]; «Места всё те же, но мы смотрим на всё уже другими глазами. Любезный Симбирск, Волга, Свяга!» [Там же, с. 627].

Завершая размышления о мотиве родного края, явленного в контексте карамзинского эпистолярия, нельзя не сказать о том, что при всей кажущейся ориентации на интимное, частное в письмах Карамзина родной край не остается сугубо личностным пространством, он вписан в контекст историко-философских представлений автора писем, а также в контекст его идей о гражданском долге, любви к родине, долге перед отечеством: «Вообще я так много читал здесь о происшествиях Петербургских, что этот город сделался для меня уже историческим: Нева, крепость, дворец напоминают мне столько людей и случаев! Отживая век для настоящего, с каким нежным чувством обращаемся к прошедшему» [5, с. 534]. Своеобразной декларацией данных представлений является записка «О любви к отечеству и народной гордости»: «Любовь к отечеству может быть *физическая, моральная и политическая* <...> Но физическая и моральная привязанность к отечеству, действие природы и свойств человека не составляют еще той великой добродетели, которою славились греки и римляне. Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях» [7, с. 280–281]. В письмах к Вяземскому, Тургеневу периода их отъезда за границу мотив возвращения в родной край приобретает особое по глубине наполнение: их автор – Карамзин сентиментальный писатель – уступает место Карамзину историографу и гражданину: «Всё чужое есть для нас только зрелище: смотри, а дела не забывай! Вы еще в долгу у России. То есть уже напоминаю Вам о возвращении... “В дому Моем многие обители суть”: не тут, так в другом месте найдется для вас деятельность полезная... Для нас, русских с душою, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует...» [4, с. 435].

Таким образом, очевидно, что динамика мотива родного края, отразившаяся в письмах Н. М. Карамзина, отражает творческую и мировоззренческую динамику их автора, и, что не менее важно, данный мотив демонстрирует определенный тип русской культуры, тип личности, характер литературного

быта, становится символом культуры. Особенности мировосприятия Н. М. Карамзина, способы его воплощения, продемонстрированные писателем в его эпистолярной практике, были подхвачены русской культурой. Стоит отметить, что образ родного пространства, культивируемого в рассматриваемых письмах, оказался чрезвычайно продуктивным для развития русской прозы вообще и эпистолярной в частности (см.: [8]) и во многом воплотил тип русской культуры XIX в.

Список использованных источников

1. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 255–270.
2. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. – М.: Мол. гвардия, 1998. – 382 с.
3. Сукайло В. А. Письма Н. М. Карамзина к братьям: В. М. Карамзину и А. М. Карамзину. (1786–1826) // Н. М. Карамзин. Письма к братьям. 1786–1826 / Составление, подготовка текста и прим. В. А. Сукайло. – Ульяновск: «Корпорация технологий продвижения», 2013. – С. 204–212.
4. Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений: в 18 т. – Т. 18: Письма. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. – 624 с.
5. Сукайло В. А. Труды и дни Ивана Дмитриева: в 2-х кн. Кн. 1. Хроника. – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2010. – 960 с.
6. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. – СПб.: «Искусство-СПб», 2003. – 616 с.
7. Карамзин Н. М. О любви к отечеству и народной гордости // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. – М., Л.: Художественная литература. – Т. 2. – С. 280–287.
8. Жиликова Э. М. Мотив «родного края» в письмах А. П. Елагиной к В. А. Жуковскому // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. – Вып. 6. Серия: Гуманитар. науки (филология). – С. 103–107.

Фрик Т. Б., канд. филол. наук, доцент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

E-mail: tfrik@tpu.ru

Frik T. B.

MOTIVE OF THE NATIVE LAND IN N. M. KARAMZIN'S LETTERS

Article is devoted to consideration of motive of the native land in private letters of N. M. Karamzin to native and to friends. Relevance of the undertaken research is defined by approach to household an epistolyariya as to the literary text. In work dynamics of the considered motive which found reflection N. M. Karamzin's letters of different years of life is presented to inter-relations with creative and ideological installations of the writer.

Keywords: epistolyariya, N. M. Karamzin, motive of the native land.

Frik T. B., PhD in Philology, Associate Professor

National Research Tomsk Polytechnic University

E-mail: tfrik@tpu.ru